

Макулатура

Автор:

Чарльз Буковски

Макулатура

Чарльз Буковски

«Макулатура» – последний роман Буковски, его лебединая песня – читателям без чувства юмора просто противопоказана!

Это действительно особый род стеба, посвященный «плохой литературе». Сам сюжет книги лишен динамики, лишен интриги, лишен всего, но именно поэтому бесконечно гениален. Главное достоинство «Макулатуры» – стиль повествования. Описания и диалоги романа переполнены атмосферой грязи, насилия и страха. При этом Буковски буквально каждым предложением пародирует подлинное бульварное чтение. И хотя авторский стиль упрощен донельзя – хочется отметить потрясающее чувство юмора, которое обязательно придется по вкусу читателям, этим чувством обладающим.

Чарльз Буковски

Макулатура

Посвящается плохой литературе

Я сидел в своем кабинете, аренда кончилась, и Маккелви уже начал процедуру выселения. Стояла адская жара, кондиционер не работал. По моему столу ползла муха. Я протянул руку и ладонью выключил ее из игры. Вытер руку о штанину, и тут зазвонил телефон. Я взял трубку.

- Да?

- Селина читали? - спросил женский голос.

Он звучал чувственно. У меня давно никого не было. Годы.

- Селин, - сказал я. - Хмм.

- Я разыскиваю Селина, - сказала она. - Он мне нужен.

Такой чувственный голос, меня прямо разбирало.

- Селин? - сказал я. - Дайте мне какие-нибудь сведения. Поговорите со мной, леди. Не молчите...

- Застегнитесь, - сказала она.

Я посмотрел на брюки.

- Как вы узнали? - спросил я.

- Неважно. Мне нужен Селин.

- Он умер.

- Нет. Найдите мне его. Он мне нужен.

- А если я найду только кости?

- Нет, дурак, он жив!

- Где?

- В Голливуде. Я слышала, что он крутится возле книжного магазина Реда Колдовски.

- Так почему вы сами его не найдете?

- Во-первых, я должна быть уверена, что это в самом деле Селин. Я должна знать это наверняка.

- Но почему вы обратились ко мне? В городе сотни детективов.

- Вас рекомендовал Джон Бартон.

- А-а, Бартон, ну да. Послушайте. Мне нужен какой-нибудь аванс. И я должен встретиться с вами лично.

- Буду у вас через несколько минут, - сказала она.

Она повесила трубку. Я застегнул ширинку. И ждал.

2

Она вошла.

То есть я хочу сказать - это просто нечестно. Платье обтягивало ее так, что чуть не лопалось по швам. Перебирает с шоколадками. А каблуки такие высокие, что смахивают на ходульки. Она шла как пьяный калека, ковыляла по комнате. Головокружительная роскошь тела.

- Садитесь, леди, - сказал я.

Она села и закинула ногу на ногу, черт-те куда, чуть не вышибла мне глаз.

- Приятно видеть вас, леди, - сказал я.

- Пожалуйста, перестаньте пялиться. Ничего для себя нового вы не увидите.

- Тут вы не правы, леди. Можно узнать ваше имя?

- Леди Смерть.

- Леди Смерть? Вы из цирка? Из кино?

- Нет.

- Место рождения?

- Это несущественно.

- Год рождения?

- Не пытайтесь острить...

- Просто хочу получить какие-то сведения...

Я как-то смешался, стал глядеть ей на ноги. Ноги для меня - первое дело. Это первое, что я увидел, когда родился. Но тогда я пытался вылезти. С тех пор я стремлюсь в обратную сторону, но без большого успеха. Она щелкнула пальцами.

- Эй, очнитесь!

- А? - Я поднял глаза.

- Речь о Селине. Помните?

- Ну конечно.

Я разогнул скрепку и концом показал на нее.

- Хорошо бы чек в оплату за услуги.

- Конечно. - Она улыбнулась. - Сколько вы берете?

- Шесть долларов в час.

Она вынула чековую книжку, что-то нацарапала там, вырвала чек и кинула мне. Он спланировал на стол. Я поднял его. Двести сорок долларов. Таких денег я не видел с тех пор, как угадал в экспрессе в Голливудском парке в 1988 году.

- Спасибо, леди...

- ...Смерть, - сказала она.

- Да, - сказал я. - А теперь чуть-чуть подробнее об этом так называемом Селине. Вы что-то говорили про книжный магазин?

- Он околачивался в магазине Реда, листал книжки... спрашивал о Фолкнере, о Карсон Маккалерс, о Чарльзе Мэнсоне...

- Околачивается в книжном магазине? Хм.

- Да, - сказала она, - вы знаете Реда. Любит выгонять людей из магазина. Можете истратить там тысячу долларов, потом задержитесь на лишнюю минуту-другую, и Ред скажет: «А не убраться ли тебе к чертям?» Ред хороший человек, но с приветом. Короче говоря, он все время вышвыривает Селина. Селин идет в бар Муссо и сидит там грустный. Через день-два приходит снова, и все повторяется.

- Селин умер. Селин и Хемингуэй умерли тридцать два года назад. Один и, через день - другой.

- Я знаю о Хемингуэе. Хемингуэй у меня.

- Вы уверены, что это был Хемингуэй?

- Ода.

- Так почему вы не уверены, что Селин в самом деле Селин?

- Не знаю. Какой-то у меня с ним затор. Никогда такого не было. Может, я слишком долго в этом бизнесе. И вот пришла к вам. Бартон вас хвалит.

- И вы полагаете, что настоящий Селин жив? Он вам нужен?

- Ужасно, малыш.

- Билейн. Ник Билейн.

- Хорошо, Билейн. Мне нужна определенность. Что это в самом деле Селин, а не какой-то недоделанный хотень. Слишком много их развелось.

- Мне ли не знать.

- Так приступайте. Мне нужен лучший писатель Франции. Я долго ждала.

Она встала и вышла вон. Никогда в жизни я не видел такого зада. Не поддается описанию. Не поддается ничему. Не мешайте мне сейчас. Я хочу о нем подумать.

3

На другой день я отменил свое выступление перед Торговой палатой в Палм-Спрингсе.

Шел дождь. Потолок протекал. Дождь капал сквозь потолок - плям, плям, плям, и плям, и плям, плям, плям, плям, плям, и плям, и плям, плям, и плям, и плям, и плям, плям, плям, плям...

Я согревался с помощью сакэ. Но как согревался? До нуля градусов. Вот мне пятьдесят пять лет, а у меня нет горшка, чтобы подставить под капель. Отец предупреждал меня: кончишь тем, что будешь спускаться в кулак. На чьем-нибудь чужом крылечке в Арканзасе. Ну, время еще есть. Автобусы туда отправляются каждый день. Только у меня от них запор, и там всегда храпит какой-нибудь старпер с вонючей бородой. Пожалуй, лучше заняться делом Селина.

Селин ли Селин или кто-нибудь еще? Иногда мне казалось, что не знаю даже, кто я такой. Ладно, я Ники Билейн. Но это не точно. Кто-нибудь заорет: «Эй, Гарри! Гарри Мартел!» И я, скорее всего, откликнусь: «Да, в чем дело?» В смысле – я могу быть кем угодно, какая разница? Что в имени тебе моем?

Жизнь – странная штука, правда? В бейсбольную команду меня всегда включали последним – знали, что могу запулить их паршивый мяч к чертовой матери в Денвер. Завистливые хорьки!

Я был талантлив, и сейчас талантлив. Иногда я смотрел на свои руки и видел, что мог стать великим пианистом или еще кем-нибудь. И чем же занимались мои руки? Чесали яйца, выписывали чеки, завязывали шнурки, спускали воду в унитазе и т. д. Прошляпил я свои руки. И мозги.

Я сидел под дождем.

Зазвонил телефон. Я вытер его насухо просроченным извещением из Налогового управления, поднял трубку.

– Ник Билейн, – сказал я. Или я Гарри Мартел?

– Это Джон Бартон, – раздалось в трубке.

– Да, вы меня рекомендовали, спасибо.

– Я наблюдал за вами. У вас есть талант. Немного не отшлифованный, но в этом его прелесть.

– Приятно слышать. Дела идут плохо.

- Я наблюдал за вами. Все наладится, надо только потерпеть.
- Да. Чем могу служить, мистер Бартон?
- Я пытаюсь разыскать Красного Воробья.
- Красного Воробья? Что еще за птица?
- Я уверен, что он существует. Просто надо его найти, я хочу, чтобы вы его нашли.
- Ниточки какие-нибудь есть?
- Нет-нет, но я уверен, что Красный Воробей где-то там.
- У этого Воробья есть имя, или как?
- В каком смысле?
- В смысле – имя. Ну, Генри или Абнер. Или Селин?
- Нет, это просто Красный Воробей, и я не сомневаюсь, что вы можете его найти. Я в вас верю.
- Это будет стоить вам, мистер Бартон.
- Если найдете Красного Воробья, я буду платить вам сто долларов в месяц до конца жизни.
- Хмм... Слушайте, а может, дадите все вперед – чохом?
- Нет, Ник, вы спустите их на бегах.
- Хорошо, мистер Бартон, дайте мне ваш номер телефона, и я этим займусь.

Бартон дал мне номер телефона и сказал:

– Я очень на вас надеюсь, Билейн.

И повесил трубку.

Так, дела пошли на лад. Но потолок протекал еще сильнее. Я стряхнул с себя несколько капель, врезал сакэ, скрутил сигаретку, зажег, вдохнул и закашлялся от дыма. Потом надел мой коричневый котелок, включил автоответчик, медленно подошел к двери, открыл ее... Там стоял Маккелви. У него была широченная грудь и плечи, словно подбитые ватой.

– Твоя аренда кончилась, гнида! – рявкнул он. – Выметайся отсюда в жопу!

Тут я обратил внимание на его брюхо. Оно напоминало мягкую гору дерьма, и кулак мой утонул в ней. Маккелви согнулся пополам, я встретил его лицо коленом. Он упал, откатился в сторону. Отвратное зрелище. Я подошел, вытащил его бумажник. Фотографии детей в порнографических позах.

«Не убить ли его», – подумал я. Но вместо этого взял его кредитную карточку «Золотая виза», пнул его в зад и спустился на лифте.

Решил пойти в магазин Реда пешком. Когда я на машине, меня вечно штрафуют за неправильную парковку, а платные стоянки мне не по карману.

Я шел к Реду в угнетенном настроении. Человек рождается, чтобы умереть. Что это значит? Болтаешься и ждешь. Ждешь маршрута А. Августовским вечером ждешь пару больших грудей в гостиничном номере Лас-Вегаса. Ждешь, когда заговорит рыба. Когда свистнет рак. Болтаешься.

Ред был на месте.

– Тебе повезло, – сказал он, – разминулся с этим пьяницей Чинаски. Приходил тут, хвастался своей новой серией марок.

– Это ладно, – сказали. – У тебя есть подписанный экземпляр «Когда я умирала» Фолкнера?

– Конечно.

– Сколько стоит?

– Две тысячи восемьсот долларов.

– Я подумаю...

– Прошу прощения, – сказал Ред.

Он повернулся к человеку, листавшему первое издание «Домой возврата нет»:

– Пожалуйста, поставьте книгу в шкаф и убирайтесь к чертовой матери!

Это был хрупкий человечек, весь согнутый. И одет в какой-то желтый резиновый костюм.

Он поставил книгу в шкаф и прошел мимо нас к двери; глаза у него были на мокром месте. А дождь на улице перестал. Желтый резиновый костюм был ни к чему.

Ред посмотрел на меня.

– Можешь представить, некоторые из них приходят сюда, облизывая мороженое!

– Могу представить себе кое-что похуже.

Тут я заметил, что в магазине еще кто-то есть.

Он стоял в глубине. Я, кажется, узнал его по фотографиям. Селин. Селин?

Я медленно подошел к нему. Совсем близко. Уже мог разглядеть, что он читает. Томас Манн. «Волшебная гора».

Он увидел меня.

- У этого парня проблема, - сказал он, подняв книгу.

- Какая же? - спросил я.

- Он считает скуку Искусством.

Он поставил книгу на полку и стоял передо мной, похожий на Селина...

Я посмотрел на него.

- Это поразительно, - сказал я.

- Что?

- Я думал, вы умерли, - сказал я.

Он посмотрел на меня.

- Я думал, что вы тоже умерли, - сказал он.

Мы стояли и смотрели друг на друга.

Потом я услышал Реда.

- ЭЙ, ТЫ! - заорал он. - УБИРАЙСЯ ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ!

Нас было только двое.

- Кому из нас убираться? - спросил я.

- ТОМУ, КОТОРЫЙ ПОХОЖ НА СЕЛИНА! УБИРАЙСЯ ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ!

- Но почему? - спросил я.

– Я СРАЗУ ВИЖУ, КОГДА ОНИ НЕ СОБИРАЮТСЯ ПОКУПАТЬ!

Селин, или кто он там, направился к выходу. Я за ним.

Он пошел к бульвару, остановился у газетного киоска.

Сколько помню, этот киоск стоял там всегда. Я вспомнил, как двадцать или тридцать лет назад подцепил там трех проституток. Я отвел их всех к себе домой, и одна дрочила моей собаке. Им это казалось забавным. Они были пьяные и на колесах.

Потом одна проститутка пошла в ванную, упала там, разбила голову об унитаз и все вокруг залила кровью. Я подтирал за ней большими мокрыми полотенцами. Потом уложил ее в постель, посидел с остальными, и наконец они ушли. Та, что в постели, пробыла еще четыре дня и четыре ночи, выпила все мое пиво и без конца говорила о своих двух детях в восточном Канзас-Сити.

А этот человек – Селин (?) – стоял у киоска и читал журнал. Подойдя ближе, я разглядел, что это «Ньюйоркер». Селин (?) положил его на место и посмотрел на меня.

– У них только одна проблема.

– Какая?

– Они просто не умеют писать. Ни один из них.

Мимо проезжало пустое такси.

– ЭИ, ТАКСИ! – крикнул Селин.

Такси притормозило, он подскочил к машине, задняя дверь открылась, и он влез.

– Эй! – закричал я. – Я ХОТЕЛ У ВАС СПРОСИТЬ!

Такси промчалось к Голливудскому бульвару. Селин высунулся из окна, показал мне средний палец. И уехал.

Первый раз за десятки лет я повстречал в этих местах такси – то есть незанятое, без пассажира.

Ну, дождь перестал, но тоска не проходила. К тому же стало прохладно, и пахло так, как будто кто-то мокрый испортил воздух.

Я втянул голову в плечи и отправился к Муссо.

У меня была кредитная карточка «Золотая виза». Я был жив. И кажется, даже стал ощущать себя Ники Билейном. Я стал напевать мотивчик Эрика Коутса:

Ад таков, каким ты его устроишь.

4

Я посмотрел в словаре Вебстера. Селин, 1891–1961. На дворе 1993-й. Если он жив, значит, ему сто два года. Неудивительно, что ЛЕДИ СМЕРТЬ его разыскивает.

А тот, в книжном магазине, выглядел на сорок – пятьдесят. Ну ясно. Он не Селин. Или же он придумал, как победить процесс старения. Взять кинозвезд: они снимают кожу с зада и приживляют к лицу. На заднюю кожу морщится позже всего. Последние годы они дохаживают с ягодицами вместо лиц. Пошел бы на это Селин? Кому охота дожить до ста двух лет? Только дураку. И с чего бы Селину захотелось жить так долго? Все это – какое-то сумасшествие. Леди Смерть сумасшедшая. Я сумасшедший. Пилоты авиалайнеров сумасшедшие. Никогда не смотри на пилота. Поднимайся на борт и заказывай выпивку.

Я понаблюдал, как трахаются две мухи, и решил позвонить Леди Смерти. Расстегнул ширинку и ждал ответа.

– Алло, – слышался ее голос.

- Ммм, - сказал я.

- Что? А, это вы, Билейн. Как продвигается дело?

- Селин мертв. Он родился в тысяча восемьсот девяносто первом году.

- Статистика мне известна, Билейн. Слушайте, я знаю, что он жив... где-то... И в книжном магазине мог быть он. Вы что-нибудь выяснили? Он мне нужен. Очень нужен.

- Ммм... - сказал я.

- Застегнитесь.

- А?

- Дурак, я сказала - застегнись.

- А?... Сейчас...

- Я должна определенно знать, есть он или нет его. Я вам сказала: у меня с ним не клеится. Психологический тормоз. Бартон рекомендовал вас, сказал, что вы один из лучших.

- А, да, кстати, я как раз сейчас работаю на Бартона, пытаюсь разыскать Красного Воробья. Что вы об этом думаете?

- Слушайте, Билейн, распутайте историю с Селином. И я вам скажу, где Красный Воробей.

- В самом деле, леди? О, я бы для вас что угодно сделал!

- Ну, например?

– Ну, убил бы моего любимого таракана, выпорол бы ремнем мать, если бы она была здесь...

– Хватит молоть! Я начинаю думать, что Бартон меня разыграл. Беритесь-ка лучше за дело. Или вы распутаете историю с Селином, или я за вами приду.

– Одну минутку, леди.

Трубка у меня в руке молчала. Я положил ее на рычаг. Ох. За мной-то она явится без всяких тормозов.

Меня ждала работа.

Я поискал глазами: нет ли где мухи, чтобы убить.

Дверь распахнулась, на пороге стояли Маккелви и большая слабоумная куча дерьма. Маккелви посмотрел на меня и кивнул на кучу.

– Это Томми.

Томми смотрел на меня мутными глазками.

– Очень приятно, – сказал он.

Маккелви улыбнулся мне жуткой улыбкой.

– Так вот, Билейн, Томми здесь с одной целью, и эта цель – медленно превратить вас в лепешку кровавого куриного говна. Так, Томми?

– Угу, – сказал Томми.

По виду он весил килограммов сто семьдесят. Ну, состричь на нем шерсть – будет этак сто шестьдесят. Я любезно улыбнулся ему.

– Слушай, Томми, ты ведь меня не знаешь, правда?

- Угу.

- Так зачем тебе меня бить?

- Потому что мистер Маккелви так велел.

- Томми, а если мистер Маккелви велит тебе выпить твое пи-пи, ты выпьешь?

- Ты не путай моего парня! - сказал Маккелви.

- Томми, а если мистер Маккелви велит тебе съесть мамино ка-ка, ты съешь мамино ка-ка?

- А?

- Заткнись, Билейн, здесь разговариваю я!

Он повернулся к Томми.

- А ну-ка, разорви мне этого типа, как старую газету, разорви его в клочья и пусти к чертям по ветру, понял?

- Я понял, мистер Маккелви.

- Ну так чего ты ждешь, последней розы лета?

Томми шагнул ко мне. Я вынул из ящика стола «люгер» и навел на исполинскую тушу.

- Стой, Томас, или сейчас тут будет больше красного, чем на всех футболках стенфордской команды!

- Э, - сказал мистер Маккелви, - откуда у тебя эта штука?

- Сыщик без машинки все равно что кот с презервативом. Или часы без стрелок.

- Билейн, - сказал Маккелви, - ты чушь порешь.

- Мне уже говорили. А теперь скажи своему парню «тпру», или я проделаю в нем такое окошко, что арбуз пройдет!

- Томми, - сказал Маккелви, - отойди назад и встань передо мной.

Томми повиновался. Теперь надо было решить, что с ними делать. Это было непросто. В Оксфорде мне стипендию не платили. Биологию я проспал и в математике не отличался. Но до сих пор умудрялся остаться в живых.

Кажется.

А пока что я сдал себе некоего туза из некоей заряженной колоды. Ход был за мной. Сейчас или никогда. Приближался сентябрь. Вороны держали совет. Солнце исходило кровью.

- А ну-ка, Томми, - сказал я, - на четвереньки! Живо!

Он посмотрел на меня так, как будто не очень хорошо слышал.

Я холодно улыбнулся ему и щелкнул предохранителем.

Томми был глуп, но не окончательно.

Он упал на четвереньки, встряхнув весь шестой этаж, как землетрясение в 5,9 балла. Мой фальшивый Дали упал на пол. Тот, что с подтаявшими часами.

Глыбясь как Большой каньон, Томми глядел на меня снизу.

- А теперь, Томми, - сказал я, - ты будешь слоном, а Маккелви будет погонщиком!

- А? - сказал Томми.

Я посмотрел на Маккелви.

– Давай-давай! Залезай!

– Билейн, ты спятил?

– Как знать? Безумие относительно. Кто определяет норму?

– Я не знаю, – сказал Маккелви.

– Залезай давай!

– Ладно, ладно. Но у меня никогда не было таких неприятностей с должниками.

– Залезай, жопа!

Маккелви вскарабкался на Томми. Но свесить ноги ему было трудно. Он чуть вдоль не разорвался.

– Хорошо, – сказал я. – Теперь, Томми, ты слон, и ты повезешь Маккелви по коридору к лифту. Приступай!

Томми пополз из кабинета.

– Билейн, – сказал Маккелви, – я тебе отплачу. Клянусь лобком моей матери!

– Залупись еще раз, Маккелви, и я заткну твой член в мусоропровод!

Я открыл дверь, и Томми со своим погонщиком уполз из кабинета.

Он пополз по коридору, а я, засовывая «люгер» в карман пиджака, нащупал там что-то – скомканный листок. Я вынул его. Мои письменные ответы на экзамене, когда я пересдавал на водительские права. Все исчеркано красным. Я провалился.

Я бросил бумажку за спину и последовал за моими друзьями.

Мы подошли к лифту, и я нажал кнопку.

Я стоял, напевая мотивчик из «Кармен».

И вдруг вспомнил, как давным-давно прочел в газете о смерти Джимми Фоккса в номере какой-то загаженной гостиницы. Такой бейсболист – и умер среди клопов.

Подошел лифт. Дверь открылась, и я дал Томми пинка. Он вполз в кабину со своим наездником. Там стояли трое, читали газеты.

Продолжали читать. Кабина пошла вниз.

Я спустился по лестнице. Во мне было пятнадцать килограммов лишнего веса. Надо было сгонять.

Я насчитал сто семьдесят шесть ступенек и очутился на первом этаже. Остановился у табачного киоска, купил сигару и «Программу бегов». Лифт приближался.

На улице я решительно окунулся в смог. Глаза у меня были голубые, а туфли старые, и никто меня не любил. Но меня ждала работа.

Меня, Ники Билейна, частного сыщика.

5

К сожалению, в этот день меня занесло на бега, а вечером я напился. Но времени зря не терял, я мыслил, анализировал факты. Все были у меня в руках. В любую минуту головоломка могла решиться. Это точно.

6

На другой день я рискнул вернуться в кабинет. В конце концов, какой же ты сыщик без кабинета?

Я открыл дверь – и кого же я вижу за своим столом? Не Селина. Не Красного Воробья. Маккелви. Он улыбнулся мне приторной фальшивой улыбкой.

– Доброе утро, Билейн, как они качаются?

– Почему ты спрашиваешь? Хочешь взглянуть?

– Нет, спасибо.

Потом он почесал свои и зевнул.

– Ну, Ники, мой мальчик, твоя аренда оплачена на год вперед каким-то таинственным благодетелем.

Леди Смерть с тобой играет, раздался голос у меня в голове.

– Кто-нибудь из знакомых? – спросил я.

– Я честью моей матери поклялся никому не говорить.

– Честью твоей матери? Она гусиных шеек перетрогала больше, чем любая птичница!

Маккелви встал из-за стола.

– Спокойно, – сказал я ему. – Если не хочешь очутиться в помойном ведре.

– Мне не нравится, что ты проезжаешься по моей матери.

– А что такого? Полгорода на ней проехалось.

Маккелви вышел из-за стола мне навстречу.

- Еще шаг, - сказал я, - и твоя голова будет дышать тебе в очко.

Он остановился. Когда меня заведут, я страшен.

- Ладно, - сказал я, - давай подробнее. Этот благодетель... он женщина, или как?

- Да. Да. В жизни не видел такой красоты!

Глаза у него замаслились, впрочем, они всегда были масляные.

- Ну же, Мак, подробней, говори дальше...

- Не могу. Я обещал. Честью матери.

- Тьфу ты, - сказал я. - Ладно. Убирайся, помещение оплачено.

Маккелви зашаркал к двери. Потом оглянулся на меня через левое плечо.

- Хорошо, - сказал он, - только ты тут не пачкай. Никаких вечеринок, никаких карт, никакой фигни. У тебя еще год.

Он подошел к двери, открыл ее, закрыл ее и был таков.

7

Итак, я опять у себя в кабинете.

Пора за работу. Я взял телефон и набрал моего букмекера.

- Тони, «Пицца на дом», - ответил он, - к вашим услугам.

Я назвал ему свое кодовое имя.

- Это мистер Кончина.

- Билейн, - сказал он, - за тобой четыреста семьдесят пять долларов, ставку у тебя не приму. Сперва расплатись с долгом.

- Я поставлю двадцать пять, и они привезут мне полкуска. А проиграю, - все отдам, клянусь честью мамы.

- Билейн, за твоей мамой двести тридцать долларов.

- Да? А у твоей бородавки на жопе!

- Что? Послушай, Билейн, ты был?..

- Нет, нет. Это был другой. Он сказал мне.

- Тогда ладно.

- Ладно, запиши: двадцать пять на Белую Бабочку в шестом заезде.

- Принято. Желаю удачи. А то она, кажется, тебя забыла.

Я повесил трубку. Гадство. Человек рождается, чтобы сражаться за каждый дюйм земли. Рождается, чтобы сражаться, рождается, чтобы умереть.

Я подумал над этим. И подумал над этим.

Потом откинулся в кресле, хорошенько затянулся и выдул почти идеальное кольцо.

После ланча я решил вернуться в кабинет. Я открыл дверь, за моим столом сидел человек. Не Маккелви. Я не знал его. Люди любили садиться за мой стол. И кроме сидящего человека был еще один, стоящий. Вид у обоих недобрый, спокойный, но недобрый.

- Меня зовут Данте, - сказал тот, что сидел.

- А меня зовут Фанте, - сказал тот, что стоял.

Я ничего не сказал. Я блуждал в потемках. По спине у меня пробежал холодок и вылетел в потолок.

- Нас послал Тони, - сказал сидячий.

- Не знаю Тони. Вы, джентльмены, не ошиблись адресом?

- Ну прямо, - сказал стоячий.

А Данте сказал:

- Белая Бабочка сошла.

- Сбросила жокея на старте, - сказал Фанте.

- Вы шутите.

- Не шучу. Спроси у пыли.

- Не сгношился твой гандикап, - сказал Данте.

- И Тони говорит, ты должен нам полкуска, - сказал Фанте.

- А-а, это, - сказал я, - они у меня тут...

Я направился к столу.

- Не дергайся, лох, - засмеялся Данте. - Мы конфисковали твою пукалку.

Я отступил.

- Теперь ты понял, - сказал Фанте, - что мы не позволим тебе приятно дышать воздухом, пока ты должен Тони полкуска?

- Дайте мне три дня...

- У тебя три минуты, - сказал Данте.

- Ну почему? - спросил я. - Почему вы, ребята, говорите по очереди? То Данте, то Фанте, то один, то другой - и никогда не собьетесь?

- Мы тут кое-что другое собьем, - отозвались они хором. - Тебя.

- Это было бы неплохо, - сказал я. - Мне нравится. Дуэт.

- Заткнись, - сказал Данте. Он вынул сигарету и взял в рот. - Хм, кажется, я забыл зажигалку. Поди-ка, мудила, дай огоньку.

- «Мудила»? Ты с собой говорил?

- Нет, с тобой, мудила, поди сюда. Дай огня! Живо!

Я отыскал зажигалку, подошел, остановился перед одной из самых отвратных морд, какие видел в жизни, щелкнул зажигалкой, поднес огонь к его сигарете.

- Умница, - сказал Данте, - теперь возьми эту сигарету из моего рта и сунь в свой горячим концом вперед и держи, пока не скажу вынуть.

- Ну прямо, - сказал я.

- Анет, - сказал Фанте, - мы сделаем в тебе такую дырку, что эльфы из Диснейленда там смогут танцевать.

- Подождите минуту...

- У тебя пятнадцать секунд, - сказал Данте и вынул секундомер. Пустил его и сказал - Поехали, четырнадцать, тринадцать, двенадцать, одиннадцать...

- Вы серьезно?

- Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три...

Я услышал щелчок предохранителя.

Я выдернул сигарету у Данте изо рта и сунул себе, горящим концом. Я пытался выделиться побольше слюны и убрать язык подальше, но напрасно - меня достало, достало как следует, БОЛЬНО!!! Это было подло и больно! Я закашлялся и невольно выплюнул эту штуку.

- Шалун! - сказал Данте. - Я велел тебе держать, пока не скажу. Теперь придется начать сначала.

- Сволочь, - сказал я. - Убей меня!

- Ладно, - сказал Данте.

Но в эту секунду отворилась дверь и вошла Леди Смерть. И как упакованная! Я чуть не забыл про свой язык.

- Ого, - сказал Данте, - вот это краля! Ты знаешь ее, Билейн?

- Встречались.

Она подошла к креслу, села, закинула ногу на ногу, и юбка задралась еще выше. Мы прямо ослепли от этих ног. Даже я - а я их уже видел.

- Что за шуты гороховые? - спросила она меня.

- Эмиссары человека по имени Тони.

- Выгони их, твой клиент - я.

- Ну все, ребята, - сказал я. - Пора уходить.

- Да ну? - сказал Данте.

- Да ну? - сказал Фанте.

И стали смеяться. Потом вдруг перестали.

- Ну ты комик, - сказал Фанте.

- Да, - сказал Данте.

- Я их выпровожу, - сказала Леди Смерть.

И стала смотреть на Данте. А он сразу стал оседать в кресле. Он сделался бледным.

- Ой, - сказал он, - я плохо чувствую...

Он стал белым, потом стал желтым.

- Мне нехорошо, - сказал он, - ой как нехорошо...

- Может, это от рыбных палочек, - сказал Фанте.

- Палочек, шмалочек, надо уходить отсюда! Мне нужен врач или кто-нибудь такой...

Тогда она стала смотреть на Фанте. И Фанте сказал:

- Голова закружилась... Что такое?.. Свет мелькает... Ракеты вспыхивают... Где я?

Он пошел к двери, Данте за ним. Они открыли дверь и побрели к лифту. Я вышел посмотреть, как они уедут. Посмотрел на них перед тем, как закрылась дверь. Они выглядели ужасно. Ужасно.

Я вернулся в комнату.

- Спасибо, - сказал я, - вы меня выручили...

Я огляделся. Ее не было. Заглянул под стол. Никого. Заглянул в ванную. Никого. Открыл окно и выглянул на улицу. Никого. То есть народу много, но ее не было. Могла бы хоть попрощаться. И все же это был милый визит. Я снова сел за стол. Потом взял трубку и набрал номер Тони.

- Да? - сказал он. - Это...

- Тони, говорит мистер Кончина.

- Что? Ты еще можешь говорить?

- Отлично могу, Тони. В жизни не чувствовал себя лучше.

- Я не понимаю, как...

- Тут были твои мальчики, Тони...

- Ну? Ну?

- На этот раз они легко отделались. Пришлешь их еще раз - они к тебе не вернуться.

Я слышал в трубке его дыхание. Он очень смущенно дышал. Потом дал отбой.

Из левого нижнего ящика я вынул бутылку шотландского виски, отвернул пробку и врезал.

Наедешь на Билейна - будешь иметь неприятности. Очень просто.

Я закупорил бутылку, положил в ящик и задумался, что делать дальше. У хорошего сыщика всегда найдется дело. Вы видели это в кино.

9

В дверь постучали. Пять раз, быстро, громко, настойчиво.

Я всегда определяю по стуку. Определяю, что стук плохой, – не открываю.

Этот был наполовину плохой.

– Войдите, – сказал я.

Дверь распахнулась. Мужчина, пятидесяти с лишним, отчасти богатый, отчасти нервный, ноги великоваты, слева на лбу бородавка, глаза карие, галстук, 2 автомобиля, 2 дома, бездетный. Бассейн воды, играет на бирже, довольно глуп.

Он стоял, слегка потел и глядел на меня.

– Садитесь, – сказал я.

– Я Джек Басс, – сказал он, – и...

– Знаю.

– Что?

– Вы думаете, что ваша жена совокупляется с кем-то или с кем-то.

– Да.

– Ей двадцать с чем-то.

- Я хочу получить доказательства, а потом хочу получить развод.
- К чему эти хлопоты, Басс? Разведитесь, и все.
- Мне нужны доказательства, что она... она...
- Плюньте. И так и так она получит свои деньги. На дворе Новая Эра.
- Это как понять?
- Называется: развод без претензий. Не важно, кто что вытворял.
- Как это?
- Ускоряет отправление правосудия - в судах не такая толкучка.
- Но какое же это правосудие?
- Там считают иначе.

Басс сидел в кресле, дышал и смотрел на меня. Мне надо распутать дело Селина, разыскать Красного Воробья, а тут этот дряблый пузырь, озабоченный тем, что кто-то заделывает его жене.

Наконец он заговорил.

- Я просто хочу выяснить. Хочу выяснить для себя.
- Я недешево стою.
- Сколько?
- Шесть зеленых в час.
- По-моему, это не так много.

- А по-моему, в самый раз. У вас есть фотография жены?

Он залез в бумажник, вынул карточку, дал мне. Я посмотрел.

- Ух ты! Она правда так выглядит?

- Да.

- У меня от одного ее вида встает.

- Что еще за остроты?

- Ах, извиняюсь... Но фотография останется у меня. Я верну ее, когда кончу.

Я положил фотографию в бумажник.

- Она еще живет с вами?

- Да.

- И вы уходите на работу?

- Да.

- И тогда, случается, она...

- Да.

- И что же заставляет вас думать, будто она...

- Признаки, телефонные звонки, голоса у меня в ушах, перемены в ее поведении, самые разные вещи.

Я подвинул к нему блокнот.

– Напишите ваш адрес, домашний и рабочий; телефон, домашний и рабочий. С этого и начнем. Я ее возьму за жопу. Я все раскрою.

– Что?

– Я берусь за это дело, мистер Басс. По увенчании его вы будете оповещены.

– Увенчании? – переспросил он. – Слушайте, у вас голова в порядке?

– Извращениями не страдаю. А вы?

– О да, я тоже.

– Тогда не волнуйтесь, я тот, кто вам нужен, я возьму ее за жопу!

Басс медленно поднялся из кресла. Пошел к двери, потом обернулся.

– Вас рекомендовал Бартон.

– Ага, опять обратно! Всего хорошего, мистер Басс.

Дверь закрылась, и он ушел. Молодчина Бартон.

Я вынул ее фото из бумажника и сидел, смотрел.

Ну сука, думал я, ну сука.

Я встал, запер дверь, снял трубку с телефона.

Я сидел за столом и смотрел на фото. Ну сука, думал я, я тебя прищучу! Я тебе сделаю! Не жди пощады! Я тебя поймаю с поличным! Я тебя накрою! Ну шлюха, ну держись! Ну шлюха!

Я задышал тяжело, я расстегнул молнию. Тут началось землетрясение. Я уронил фото и нырнул под стол. Трясло как следует, баллов шесть. Продолжалось это минуты две. Потом кончилось. Я вылез из-под стола все еще расстегнутый.

Нашел фотографию, засунул в бумажник, застегнулся. Секс – это западня, ловушка. Это для животных. Я не такой дурак, чтобы на это клюнуть. Я положил трубку на телефон, открыл дверь, вышел, запер дверь и направился к лифту. Меня ждала работа. Я был лучшим сыщиком Лос-Анджелеса и Голливуда. Нажал кнопку и стал ждать, когда подъедет блядская кабина.

10

Остаток дня и ночь пропускаю – никаких действий, заслуживающих рассказа.

11

На другое утро в 8 часов я сидел в своем «фольксвагене» напротив дома Джека Басса. Трещала голова с похмелья, и я читал «Лос-Анджелес тайме». Кое-что я успел выяснить. Жену Басса звали Синди. Синди Басс, в девичестве Синди Мейбелл. Из газетных вырезок явствовало, что она была победительницей мелкого конкурса красоты, Мисс Чили-На-Вынос 1990 года. Модель, актриса на выходах, любит лыжи, обучается игре на фортепиано, любит бейсбол и водное поло. Любимый цвет – красный. Любимый фрукт – банан. Любит прикорнуть днем. Любит детей. Любит джаз. Читает Канта. Ну да. Надеется, что однажды войдет в бар, и т. д. и т. д. Познакомилась с Джеком Бассом за рулеткой в Лас-Вегасе. Через две ночи они поженились.

Около 8.30 Джек Басс задним ходом выехал на своем «мерседесе» и отправился на свой административный пост в «Ацтек петролеум корпорейшн». Остались я и Синди. Я намеревался ее расколоть. Она была в моей власти. Я еще раз проверил фото. Я начал потеть. Я опустил козырек в кабине. Шлюха, она гуляет от Джека Басса.

Я снова засунул фото в бумажник. У меня возникло суеверное чувство. Что со мной? Двинулся на этой дамочке? У нее кишечник как у всех. Волосы в ноздрях. Сера в ушах. Тоже мне. С чего это ветровое стекло передо мной пошло волнами? Должно быть, с похмелья. Водка с прицепами. Приходится расплачиваться. Но

что хорошо, когда ты пьяница, – у тебя не бывает запора. Я порой прислушивался к своей печени, но моя печень молчала, она ни разу не сказала: «Перестань, ты убиваешь меня, а я убью тебя!» Если бы у нас была говорящая печень, нам не понадобилось бы Общество анонимных алкоголиков.

Я сидел в машине и ждал, когда выйдет Синди.

Было душное утро.

Я, должно быть, уснул в машине. Не знаю, что меня разбудило. Но теперь ее «мерседес» задним ходом выезжал на улицу. Она развернулась, поехала на юг, и я пристроился сзади. Красный «мерседес». Я проследовал за ней до шоссе на Сан-Диего; она встала в левый ряд и дала по газам. Семьдесят пять миль в час. Похоже, ей не терпелось. Ей приспичило. Что-то шевельнулось у меня между ног. Лоб покрылся пленкой пота. Она разогналась до восьмидесяти. Как ее разбирает, суку! Синди, Синди! Я держался в четырех корпусах за ней. Я ее прищучу, так прищучу, как ее никто не прищучивал. Вот так! Настичь и оформить. Я Ник Билейн, я покажу ей, где раки зимуют! В зеркале заднего обзора замелькал красный огонь.

Черт!

Я перешел в правый ряд, остановился на обочине, вылез. Полицейские остановились в пяти корпусах от меня.

Вылезли и встали по обе стороны от своей машины. Я направился к ним, полез за бумажником. Высокий выхватил из кобуры револьвер, навел на меня.

– Стоять!

Я остановился.

– Какого черта – ты застрелить меня хочешь? Ну, давай, давай, застрели меня!

Низенький зашел сзади, завернул мне руку, подвел меня к полицейской машине и бросил лицом на капот.

- Говнюк! – сказал он. – Знаешь, что мы делаем с такими засранцами?

- Да уж как не знать.

- Смотри, какой умный засранец! – сказал низенький.

- Спокойно, Луи, – сказал высокий, – у кого-нибудь может оказаться видеокамера. Тут не место.

- Терпеть не могу умных, Билл!

- Мы его оформим, Луис. Оформим по всем правилам, но попозже.

Я был прижат к капоту. Автомобили на шоссе притормаживали. Зеваки глазели.

- Кончайте, ребята, – сказал я, – из-за нас затор на шоссе.

- Ты думаешь, нам не насрать? – спросил Билл.

- Ты угрожал нам, ты бежал к нам и лез рукой за пояс! – завопил Луи.

- Я полез за бумажником. Я хотел показать вам удостоверение. Я детектив с лос-анджелесской лицензией. Я вел наблюдение за подозреваемым.

Луи выпустил мою руку из мертвого захвата.

- Встань.

- Сейчас.

- А теперь медленно достань бумажник и вынь водительские права.

Я вручил ему сложенный листок.

- Это что еще такое? – спросил он. И вернул мне. – Разверни и отдай обратно.

Я развернул и сказал:

- Это как бы временные права. Старые у меня забрали - я не пересдал экзамен, письменный. А с этими я могу ездить в течение недели, до следующего экзамена.

- Ты что же, экзамен не сдал?

- Да.

- Слышишь, Билл, этот урод не мог сдать на права!

- Ну? Правда?

- Голова была занята другим...

- Похоже, она у тебя ничем не занята, - фыркнул Луи.

- Ну смех, - сказал Билл.

- И ты, значит, зарегистрированный детектив? - спросил Луи.

- Да.

- Не верится.

- Я преследовал подозреваемого, когда вы меня остановили. Еще чуть-чуть, и я бы взял ее за жопу.

Я вручил Луи фотографию.

- Мама родная! - сказал он.

Он уставился на карточку. Фотография была в рост. Синди была в мини и в открытой блузке, очень открытой.

- Эй, Билл, глянь-ка!

- Я сидел у нее на хвосте, Билл, еще чуть-чуть, и я бы взял ее за жопу.

Билл не сводил глаз с карточки.

- Ух-х, ух-х, ух-х, - твердил он.

- Верните мне фотографию. Вещественное доказательство.

- А, ну конечно, - сказал он и с неохотой отдал.

- И все-таки мы должны тебя оформить, - сказал Луи.

- Но не оформим, - сказал Билл, - запишем, что ты ехал семьдесят пять, хотя ты ехал восемьдесят. Но фотографию мы должны изъять.

- Что?

- Не слышал?

- Но это вымогательство! - сказал я.

Билл дотронулся до револьвера.

- Что ты сказал?

- Я сказал - лады.

Я вернул фотографию Биллу. Он стал выписывать квитанцию. Я стоял и ждал. Он дал мне квитанцию.

- Распишись.

Я расписался. Он вырвал ее и вручил мне.

– Уплатить в течение десяти дней, а если не признаешь себя виновным, явишься в суд в указанный день.

– Благодарю вас, сэр.

– И езжай осторожно, – сказал Луи.

– И ты тоже, родной.

– Что?

– Я сказал – хорошо.

Они пошли к своей машине. Я пошел к своей. Влез, завел мотор. Они продолжали сидеть. Я вырулил на полотно и поехал, держа 60.

Синди, думал я, ты мне за это заплатишь! Я тебя так прищучу, как никто тебя не прищучивал!

Доехав до поворота на Портовое шоссе, я свернул и поехал по 110-му, сам не знаю зачем.

12

Я проехал по Портовому шоссе до конца. Это был Сан-Педро. Я проехал по Гаффи, свернул налево на 7-ю, проехал несколько кварталов, свернул направо на Пасифик, проехал еще, увидел бар «Питейный кабанчик», остановил машину, вошел. Внутри было темно. Телевизор не работал. Бармен был старик лет восьмидесяти, весь белый – белые волосы, белая кожа, белые губы. И сидели еще два старика, белые как мел. Как будто из всех троих выпустили кровь. Они напомнили мне высушенных мух в паутине. Напитков видно не было. Никто не шевелился. Белое безмолвие.

Я стоял в дверях и смотрел на них. Наконец бармен издал звук:

- А?..

- Тут никто не видел Синди, Селина или Красного Воробья? - спросил я.

Они только глядели на меня. Губы одного из посетителей сложились в маленькое мокренькое «о». Он пытался заговорить. Второй посетитель опустил руку и почесал яйца. Или то место, где они когда-то были. Бармен остался недвижим. Он напоминал фигуру, вырезанную из картона. И старую. Я вдруг почувствовал себя молодым.

Я прошел вперед и сел на табурет.

- Что-нибудь выпить найдется? - спросил я.

- А... - сказал бармен.

- Водка - «Севен-аи», лимона не надо.

А теперь выкиньте на помойку четыре с половиной минуты и забудьте о них. Вот сколько потребовалось бармену, чтобы принести мне стакан.

- Благодарю, - сказал я, - и, пожалуйста, сделай еще один, раз уж ты начал двигаться.

Я врезал. Оказалось неплохо. Он, видно, набил руку.

Два старикана сидели и глядели.

- Хороший денек, а, парни? - спросил я.

Они не ответили. У меня возникло такое чувство, что они не дышат. Или мертвых не положено хоронить?

- Слушайте, парни, когда кто-нибудь из вас в последний раз стянул трусики с женщины?

Один из стариков отозвался:

- Хе-хе-хе-хе!

- А-а, вчера ночью?

- Хе-хе-хе-хе!

- Понравилось?

- Хе-хе-хе-хе!

У меня испортилось настроение. Жизнь моя уходит псу под хвост. Мне нужно что-то – сверкание огней, блеск, что-нибудь эдакое, черт возьми. А я тут толкую с покойниками. Я прикончил первый стакан. Второй уже был готов. В дверь вошли двое, с чулками на лицах.

Я осушил второй стакан.

- ТИХО! БЕЗ ГЛУПОСТЕЙ! БУМАЖНИКИ, КОЛЬЦА, ЧАСЫ – НАСТОЙКУ! ЖИВО! – выкрикнул один.

Второй перемахнул через стойку и подбежал к кассе. Ударил по ней кулаком.

- ЭЙ! КАК ОТКРЫВАЕТСЯ ЭТА ХЕРОВИНА?

Он огляделся, увидел бармена.

- ЭЙ, ДЕД! ПОДИ ОТКРОЙ ЭТУ ШТУКУ! – Он навел на старика пистолет.

И тот в друг научи лея двигаться. Миг – и он уже у кассы, и она открыта.

А первый складывал в мешок то, что мы выложили на стойку.

- ВОЗЬМИ КОРОБКУ ИЗ-ПОД СИГАР! ПОД СТОЙКОЙ! – крикнул он напарнику.

Тот перекладывал в мешок деньги из кассы. Он нашел коробку из-под сигар. В ней были деньги. Он кинул ее в мешок и перепрыгнул через стойку.

Они постояли еще несколько секунд.

- Меня разбирает! – сказал тот, который прыгал через стойку.

- КОНЧАЙ, УХОДИМ! – сказал другой.

- МЕНЯ РАЗБИРАЕТ! – заорал первый.

Он прицелился в бармена. Он выпустил три пули. Все в живот. Старик три раза дернулся и упал.

- МУДАК! ЗАЧЕМ ТЫ ЭТО СДЕЛАЛ? – заорал его партнер.

- НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ МУДАКОМ! Я ТЕБЯ ТОЖЕ УБЬЮ! – Он повернулся и навел пистолет на партнера.

Но опоздал. Пуля попала ему в нос и вышла из затылка. Он упал, повалив табурет. Другой выбежал в дверь. Я досчитал до пяти, потом выбежал за ним. Оба старика еще были живы, когда я убежал. Кажется.

Я быстро сел в машину. Рванул от бордюра, проехал квартал, свернул направо, в переулок. Потом сбавил скорость, поехал не торопясь. Тут послышалась сирена. Я зажег сигарету от прикуривателя, включил радио. Играли рэп. Я не мог разобрать, чего он там рэпает.

Я не мог решить, ехать мне домой или в контору.

Кончилось же это все супермаркетом, где я погрузил в тележку пять грейпфрутов, жареную курицу и картофельный салат. Да, и еще 0,75 водки и туалетную бумагу.

Я очутился у себя на квартире. Я углубился в курицу и картофельный салат. Я покатал по ковру грейпфрут. Я был угнетен. Весь мир ополчился против меня.

Потом зазвонил телефон. Я выплюнул непрожаренное куриное крыло и взял трубку.

– Да?

– Мистер Билейн?

– Да?

– Вы выиграли бесплатную поездку на Гавайи, – сказал кто-то.

Я повесил трубку. Пошел на кухню, налил водки с минеральной водой, добавил соуса «табаско». Сел со стаканом, выпил половину, и тут постучали в дверь. Стук был плохой, но я, вопреки своему правилу, сказал: «Войдите».

И зря. Это был сосед из 302-й, почтальон. У него как-то странно были приделаны руки. И мозги тоже. И глаза смотрели не совсем на тебя, а куда-то тебе за голову. Так что ты не совсем понимал, где ты находишься. Были у него и некоторые другие недостатки.

– Привет, Билейн, а мне не найдется выпить?

– На кухне, налей сам.

– Понял.

Он ушел на кухню, насвистывая «Дикси». Вернулся вразвалочку, в обеих руках по стакану. Сел напротив меня.

– Взял с запасом, – сказал он, кивнув на стаканы.

– Знаешь, эта штука продается во многих местах, – сообщил я. – Ты бы запасся.

- Да плевать... Слушай, Билейн, я пришел поговорить по делу.

Он выпил то, что было в правой руке, разбил стакан об стену. Этому он научился от меня.

- Я пришел затем, чтобы открыть нам путь к легкой славе.

- Ясно, - сказал я. - Послушаем.

- Меланхолик Майк. Бежал на днях. Идет, как язык прокаженного по девичьей сиське, - первую четверть мили за двадцать одну секунду. В торговом заезде двадцатитысячников вышел на прямую на пять корпусов впереди, проиграл всего полтора корпуса. Теперь его ставят в пятнадцатитысячниках. Такую лошадь - на три четверти мили. Они только под хвост ему будут смотреть. Ставки на него пятнадцать к одному! Верняк! Я беру тебя в долю, друг!

- Зачем меня в долю? Зачем сам все не выиграешь?

Он выпил из второго стакана. Потом оглянулся. Поднял стакан.

- Стой! - сказал я. - Разобьешь этот стакан - и у тебя будут два задних прохода.

- А?

- Подумай сперва.

Почтарь тихо поставил стакан.

- Еще есть выпить?

- Ты знаешь где. И мне налей.

Он ушел на кухню. Я чувствовал, что теряю терпение. Потом он вернулся, дал мне стакан.

- Стой, - сказал я, - я выпью твой.

- Как это?

- В нем крепче.

Он дал мне другой стакан, потом сел.

- Так я тебя спрашиваю, скороход, зачем меня в долю?

- Да вот, - сказал он.

- Ну, дальше?

- У меня с капустой туго. Поставить нечего. Но когда выиграем, я тебе отдам из выигрыша.

- Неинтересно говоришь.

- Слушай, Билейн, мне нужно самую малость.

- Сколько?

- Двадцать зеленых.

- Это большущие деньги.

- Десять зеленых.

- Ну ты разбежался.

- Ладно, пять зеленых.

- Что?

– Два зеленых.

– Мотай отсюда!

Он допил и встал. Я тоже допил. Он стоял. Он сказал:

– А чего это грейпфруты на полу?

– А мне так нравится.

Я встал и подошел к нему.

– Пора уходить, приятель.

– Уходить пора? Да ну? Я уйду, когда пожелаю!

Он обнаглел от выпитого. Это бывает.

Я заехал ему кулаком в живот. А на кулаке был медный кастет. Чуть насквозь не прошел к чертям.

Он упал.

Я отошел и сгреб с полу битое стекло. Потом вернулся, открыл ему рот и бросил стекло туда. Потом потер ему щеки и немного пошлепал по ним. Губы у него покраснели.

Тогда я вернулся к прерванному питью. Прошло, наверное, минут сорок пять, и почтальон зашевелился. Перекатился на живот, выплюнул пару стекляшек и пополз к двери. Вид у него был жалкий. Дополз до самой двери. Я открыл ее, и он пополз дальше к своей квартире. В следующий раз надо присматривать за ним.

Я закрыл дверь.

Я сел и нашел в пепельнице погасшую сигару. Зажег ее, затянулся, закашлялся. Попробовал еще раз. Довольно приятно.

На меня нашла задумчивость.

Решил больше ничего сегодня не делать.

Жизнь изнашивает человека, изнашивает до дыр.

Утро вечера мудренее.

14

Я снова пришел в магазин к Реду. Я снова занимался делом Селина. Ипподром был закрыт, и день был пасмурный. Ред проставлял цены на редких книгах.

– Сходим к Муссо? – предложил он.

– Не могу, Ред. Я, кажется, ем без остановки. Посмотри на меня.

Я распахнул пиджак. Рубашка обтягивала мое брюхо. Одна пуговица отскочила.

– Тебе надо отсосать этот жир. У тебя будет инфаркт. Жир отсасывают через трубку. Съешь его в банку, будешь смотреть, и он тебе будет напоминать, чтобы ты не увлекался пончиками с повидлом.

– Я подумаю. Не хочешь грейпфрута?

– Грейпфрута? От него не толстеют.

– Знаю, но утром я поскользнулся на нем, когда встал. Грейпфруты опасны.

Я вздохнул.

– Слушай, давай переменим тему. Ты знаешь этого типа, который похож на Селина?

– А, этого...

– Этого. Не заходил тут?

– С того раза – нет. Ты следишь за этим гусем?

– Можно сказать, да.

И тут он входит, легок на помине. Селин. Пролез мимо нас, прошел по проходу, вытащил книжку. Я подошел к нему поближе. Совсем близко. Он держал подписанный экземпляр «Когда я умирала». Тут он заметил меня.

– В прежнее время, – сказал он, – жизни у писателей были интереснее, чем их писания. А нынче – ни жизнь неинтересная, ни писанина.

Он поставил Фолкнера на место.

– Вы тут поблизости живете? – спросил я.

– Возможно. А вы?

– Когда-то у вас был французский акцент, правильно? – спросил я.

– Возможно. А у вас?

– Ничего подобного. Слушайте, вам никто не говорил, что вы на кого-то похожи?

– Каждый из нас более или менее похож на кого-то. Слушайте, у вас есть сигареты?

– Конечно.

Я полез за пачкой.

– Пожалуйста, – сказал он, – выньте одну сигарету, зажгите ее и курите. Чтобы было занятие.

Он пошел прочь.

Я зажег сигарету, затянулся. Потом пошел за ним. Кивнул на прощание Реду и вышел на улицу. Селин как раз садился в «фиат» 89-го года. А позади него стояло – что? Позади него стоял мой «фольксваген». Какая удача! Вот и не верь после этого в судьбу. В первый раз за столько месяцев мне удалось поставить машину у тротуара! Я вскочил в нее, дал по газам и помчался за ним.

Он ехал на восток по Голливудскому бульвару.

Леди Смерть, подумал я, к вашим услугам.

Я бы упустил его у следующего светофора, если бы не проскочил под красный свет. Без осложнений, только пожилая дама в «кадиллаке» грязно обругала меня. Я улыбнулся.

Вскоре мы с Селином очутились на Голливудском шоссе; солнце прорвалось сквозь облака. Я держал Селина в поле зрения. Я чувствовал себя отлично. Может быть, пойду, и мне высосут жир через трубку. Я еще молодой человек. Все впереди.

Дальше Селин поехал по Портовому шоссе.

Потом – через Санта-Монику.

Потом – через Сан-Диего. На юг.

Потом Селин свернул с шоссе, и я свернул за ним. Местность казалась знакомой. Я ехал примерно на полквартала сзади. И надеялся, что он не особенно поглядывает в зеркальце.

Потом я увидел, что он притормаживает и останавливается. Я подъехал к бордюру, остановился и стал наблюдать.

Он вылез из машины, прошел несколько домов, потом, оглядываясь через плечо, пересек улицу. Остановился, снова оглянулся и двинулся по дорожке к дому. Поднялся на крыльцо, оглянулся и постучал. Дом был большой и показался мне знакомым.

Дверь открылась. Селин вошел.

Я тронулся с места и медленно проехал мимо. Это был дом Джека Басса. Интересное кино. Было только 2.30 дня. Красный «мерседес» Синди стоял перед домом.

Я объехал вокруг квартала и остановился на прежнем месте.

Сейчас я убью двух зайцев. Я раскрою Селина и прищучу Синди.

Я их не торопил. Дал им десять минут.

Когда я учился в средней школе, одна учительница спросила нас: «Кем вы хотите стать, когда вырастаете?» Почти все мальчики сказали, что хотят быть пожарными. Это глупо, можно обгореть. Несколько ребят сказали, что хотят быть врачами или адвокатами, но ни один не сказал: «Я хочу быть сыщиком». И вот я сыщик. Да, а когда очередь дошла до меня, я ответил: «Не знаю...»

Прошло десять минут. Я схватил мою мини-видеокамеру, распахнул дверцу машины и направился к дому. Меня пробирала легкая дрожь. Я глубоко вздохнул и подошел к двери. С замком сложностей не было. Через 45 секунд я уже был внутри. Я прошел по передней, потом услышал голоса. Подкрался к двери. Они сидели за ней. Я слышал их голоса. Они говорили тихо. Я прижался к двери, прислушался.

Услышал Селина.

– Тебе это нужно... ты сама знаешь...

– Я... – Это говорила Синди. – Я не уверена... А что, если Джек узнает?

– Он не узнает...

- Джек бешеный...

- Он не узнает. Это для твоего же блага...

Синди засмеялась.

- Для моего блага?.. А тебе ничего не перепадет, да?

- Конечно... Ну-ка, ну-ка, возьми-ка его в руки... Начинается отсюда...

Я выждал несколько секунд, пинком распахнул дверь и ворвался в комнату с видеокамерой. Уже включенной и наведенной на резкость.

Они сидели за кофейным столиком, и Синди как будто подписывала какие-то бумаги. Она подняла голову и закричала.

- Тьфу ты, - сказал я.

Я опустил камеру.

- Что еще за чертовщина? - спросил Селин. - Ты знаешь этого типа?

- Первый раз вижу!

- Аязнаю, - сказал Селин. - Околачивается в книжном магазине и задает дурацкие вопросы.

- Я вызову полицию! - сказала Синди.

- Стойте, - сказал я, - я все объясню.

- И поскладнее, - сказала Синди.

- Поскладнее, - сказал Селин.

Я ничего не мог придумать. Только стоял.

- Я вызову полицию, - сказала Синди, - немедленно!

- Стойте, - сказал я. - Меня нанял ваш муж, Джек Басс. Я детектив.

- Нанял? Зачем?

- Чтобы вас накрыть.

- Меня накрыть?

- Да.

- Я оформлял этой даме страховой полис, - сказал Селин, - а вы врываетесь с камерой.

- Извините, произошла ошибка. Пожалуйста, позвольте мне ее исправить.

- Как вы ее исправите, черт возьми? - спросил Селин.

- Я пока не знаю. Мне ужасно жаль. Я что-нибудь придумаю, чтобы поправить дело. Честное слово.

- Это какой-то выродок, - сказала Синди, - психически больной.

- Я извиняюсь, но мне надо идти. Я свяжусь с вами и обо всем условлюсь.

- Мы сдадим вас полиции! - заявила Синди.

- Я должен идти, - сказал я.

- Ну нет, - сказала Синди, - никуда вы не пойдете!

Я повернулся к двери, а она нажала звонок. Передо мной появилась приличная копия Кинг-Конга. Он был чудовищен. Он медленно двигался ко мне.

- Эй, малыш, - сказал я ему, - ты любишь конфетки?

- Сморчок, - сказал он, - ты моя конфетка!

- А игрушки? Ты какие игрушки любишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/charlz-bukovski/makulatura/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/charlz-bukovski/makulatura-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)